

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной работе
Санкт-Петербургского государственного университета

С.В. Аплонов

« 10 » 2018 г.

Отзыв

ведущей организации федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» о диссертации Федотовой Анны Кирилловны «Русская любовная элегия 1730–1770-х годов», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Представленное к защите диссертационное исследование Анны Кирилловны Федотовой посвящено русской любовной элегии 1730–1770-х гг. XVIII века. Данную диссертационную работу, несомненно, следует признать актуальной в первую очередь потому, что, как справедливо отмечает автор работы, в современной науке нет исследования, в котором бы была освещена целостная картина развития элегии XVIII столетия.

В обширном и ясно написанном введении обосновывается актуальность диссертационной работы, проанализирована степень разработанности проблемы, формулируются цель и задачи работы, описываются материал, методологическая основа, научная новизна и практическая значимость исследования. Вызывает некоторые сомнения положение о том, что «история элегии XVIII века <...> лишь вскользь упоминается в монографиях, посвященных этому жанру в связи с элегией XIX века» (с. 5-6). Все же одно монографическое исследование, посвященное истории русской элегии XVIII века, существует, это книга Б. Кронеберга, и она анализируется в диссертации.

Цель работы – «определить истоки русской любовной элегии, комплексно описать русскую любовную элегию 1730–1770-х гг., определить ее место в русской поэзии XVIII века» (с. 15). Задачи работы состоят в «выявлении всех любовных элегий,

опубликованных в 1730–1770-х гг., исследовании соотношения русской элегии с книжной песней Петровского времени, народной песней, французской прециозной элегией XVII века, а также ранними песнями Тредиаковского и Сумарокова, выявлении устойчивых мотивов и общих мест русской классицистической элегии, определении связи любовной элегии с другими жанрами на материале творчества Сумарокова, исследовании развития любовной элегии, выявлении особенностей элегий разных авторов, определении степени их влияния друг на друга» (Там же). Разумным представляется ограничение материала исследования 1730-1770-ми годами, однако во введении следовало бы аргументировать избранный хронологический отрезок.

Во введении также приводится определение жанра элегии, которым пользовался автор работы: «под любовной классицистической элегией в работе понимается стихотворение, как правило, не разделенное на строфы, написанное alexandрийским стихом с парной рифмовкой, о любви, разлуке или смерти, всегда грустное по настроению, представляющее собой напряженный, эмоциональный монолог лирического героя, чаще всего обращенный к природе» (с. 19). Далее при описании материала работы говорится о том, что «при отборе материала элегией признается стихотворение, имеющее заголовок “элегия”» (Там же). Возникает важный вопрос: является ли наличие заголовка одним из дифференциальных признаков жанра элегии в XVIII веке? Существуют ли, с точки зрения автора работы, в русской литературе XVIII века элегии, не обладающие жанровым заглавием?

В первой главе работы, озаглавленной «Предпосылки возникновения русской любовной элегии XVIII века», в качестве источников русской классицистической элегии рассмотрены любовные песни петровского времени, французские прециозные элегии и песни Тредиаковского и Сумарокова, предшествующие созданию русской элегии. Особо следует отметить второй параграф этой главы («Французская прециозная элегия и русская элегия XVIII века»), в котором подробно, главным образом с опорой на французские трактаты об элегии XVIII–XIX веков и иноязычную научную литературу, прослеживается история французской элегии. Здесь же описаны сходства и различия между французской и русской элегией на разных уровнях – сюжета, мотивов, образов, поэтического языка, стиховой формы. Как убедительно показывает автор диссертации, основное различие между французскими и русскими элегиями состоит в эмоции, лежащей в основе элегии: французская прециозная элегия имеет игровой характер, в русской же элегии «чувства тоски, печали, грусти доводятся до крайности, преувеличиваются» (с. 59). Еще одно важное различие – в понимании жанра и его границ; французская элегия близка идиллии и эклоге, а русские элегии нет, что, в частности, проявляется в различии элегического и

идиллического пейзажа. Этот вывод представляется правомерным, хотя в данном параграфе недостает четкого описания различий между двумя типами пейзажа – элегического и идиллического (эти различия, однако, объясняются в диссертации позже, во второй главе, на с. 115).

Вторая глава диссертации озаглавлена «Первые классицистические любовные элегии: элегии В. К. Тредиаковского и А. П. Сумарокова». Возможно, было бы точнее убрать из названия главы имена Тредиаковского и Сумарокова, т. к. в отдельном параграфе этой главы рассмотрены две анонимные элегии 1756 и 1757 годов. В работе показано, что элегии Тредиаковского по настроению и структуре схожи с элегиями Г. де ла Сюз, хотя, кроме французской прециозной элегии, на них повлияли также традиция любовных книжных песен, повестей и пьес Петровского времени и традиция народных любовных песен. Далее подробно рассматриваются элегии Сумарокова. Достоинством данной части работы следует признать многоаспектный характер исследования. Так, при рассмотрении элегий Сумарокова внимание уделяется как сформулированным писателем в теории, так и реализованным на практике принципам поэтики элегии. А. К. Федотова показывает, как именно Сумароков использует опыт предшественников (Тредиаковского, французскую прециозную элегию) и какое влияние на элегии Сумарокова оказала его собственная поэтическая практика, в первую очередь монологи трагедий. Рассмотрение сумароковской элегии в контексте его поэтического творчества принадлежит к сильным сторонам диссертационного исследования: помимо сопоставления сумароковских элегий с монологами его трагедиями в 3 параграфе, отдельный параграф второй главы посвящен рассмотрению элегии на фоне других жанров любовной поэзии – песни, идиллии, эклоги. Еще один аспект рассмотрения материала – диахронический: в диссертации показана эволюция жанра элегии в творчестве Сумарокова. Материал второй главы позволяет скорректировать, уточнить или дополнить некоторые выводы книги Г. А. Гуковского «Русская поэзия XVIII века». Так, например, А. К. Федотова корректирует положение Г. А. Гуковского об отсутствии пейзажа в элегиях Сумарокова и показывает, что пейзаж в них все же «постоянно присутствует, хотя и сведен до минимума» (с. 92), развивает и иллюстрирует тезис, также выдвигавшийся ученым, о сходстве элегий с монологами сумароковских трагедий (с. 98–106), демонстрирует, что жанр элегии эволюционировал не только от Сумарокова к поэтам так называемой «сумароковской школы», как полагал Гуковский, но и претерпевал изменения в творчестве самого Сумарокова на протяжении 15 лет.

В третьей главе освещена история любовной классицистической элегии 1759–1760-х гг. Здесь разбираются элегии А. А. Ржевского, С. В. Нарышкина, И. А. Дмитревского,

М. М. Хераскова, В. Д. Санковского, а также переводные элегии начала 60-х годов. Ценностью этой главы, помимо тщательного анализа большого числа примеров, является установление французских источников двух переводных русских элегий – И. Ф. Богдановича «На смерть Галатеи» и М. М. Хераскова «На человеческую жизнь». Наиболее подробно в главе анализируются элегии А. А. Ржевского, который стал «одним из наиболее плодотворных поэтов-элегиков» (с. 123). Описывая отличия элегий Ржевского и Хераскова от элегий Сумарокова, А. К. Федотова во многом продолжает и развивает тезисы Г. А. Гуковского, сформулированные им в книге «Русская поэзия XVIII века», в главе «Элегия в XVIII веке» (усложнение сюжета и структуры элегии, появление фигуры «совместника», изменение функции пейзажа, эмфатическая драматическая речь героя элегии Ржевского, обилие сравнений и философских рассуждений в элегии Хераскова). Однако, к сожалению, во втором и третьем параграфах главы в некоторых случаях необходимые ссылки на работу Гуковского отсутствуют. Есть неточность и в квалификации размера и типа рифмовки, использованных в элегии Ржевского «От той, которая души милае...»: элегия написана не «разностопным ямбом с разными способами рифмовки: традиционной для элегии XVIII века парной, перекрестной и кольцевой» (с. 140), а вольным ямбом и вольной рифмовкой, традиционно использовавшихся, например, в жанре притчи.

Наконец, четвертая глава работы посвящена элегиям 1769–1770-х годов, в том числе пародийных элегий. Особое внимание уделяется новаторству элегий Ф. Я. Козельского, который, наряду с Сумароковым и Ржевским, входит в «тройку» крупнейших элегиков XVIII века. Убедительным представляется вывод автора работы о влиянии на Козельского элегий Проперция и Овидия.

Материал четырех глав диссертации, а также содержательного заключения работы, позволяет сделать вывод о том, что перед нами серьезное и интересное исследование жанра русской любовной элегии 1730-1770-х годов. В диссертации А. К. Федотовой впервые выявлены все элегии, опубликованные в этот период (их список приводится в приложении к работе). Можно констатировать, что все задачи, поставленные исследователем, в ходе работы выполнены. А. К. Федотова продемонстрировала высокий уровень филологической подготовки, точность и тонкость анализа литературных произведений XVIII века. Перед нами интересное, во многом новаторское и перспективное исследование, демонстрирующее профессионализм и творческий потенциал его автора. Отдельным достоинством работы кажется также наличие серьезного компаративистического компонента. О глубоком знании автором диссертации

общевропейского культурного контекста XVIII века свидетельствует в том числе и обширный список источников и использованной литературы на пяти языках.

Отмеченные выше вопросы и замечания, имеющие сугубо частный характер, не ставят под сомнение концепцию диссертационного исследования, правомерность выбора темы, рассматриваемого материала, научную методологию, справедливость сформулированных выводов. Встречающиеся в некоторых фрагментах диссертации нечеткие формулировки, повторы, стилистические шероховатости также не могут повлиять на общую высокую оценку работы. Диссертация Анны Кирилловны Федотовой «Русская любовная элегия 1730–1770-х годов» является самостоятельной, законченной квалификационной научной работой и соответствует критериям, установленным постановлением Правительством Российской Федерации от 24 сентября 2013 года, № 842 (пп. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения ученой степени»), а ее автор без сомнения заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Отзыв составлен доцентом кафедры истории русской литературы федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», кандидатом филологических наук Евгением Михайловичем Матвеевым.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры истории русской литературы 05.10.2018 г., протокол № 89.08/19-04-3.

Заведующий кафедрой
истории русской литературы СПбГУ, д.ф.н., проф.

Карпов А. А.

Сведения о ведущей организации:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Россия, 199 034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Тел. +7 (812) 328-20-00, e-mail: spbu@spbu.ru. Сайт: spbu.ru

Кафедра истории русской литературы СПбГУ, тел. +7 (812) 328-94-87, e-mail: e.matveev@spbu.ru

ПОДПИСЬ РУКИ

Карпов А.А.

УДОСТОВЕРЯЮ

Специалист по кафедре

Самойлова Г.М.

11.10.2018

